

12+

Екатерина Погодельская

Эхо на орбите

Екатерина Погорельская

Эхо на орбите

<https://litres.ru/74148122>

ISBN 9785006996670

Аннотация

Колледж на Миралисе казался убежищем, пока эксперимент с виртуальной реальностью не разрушил всё. Взрыв разделил друзей по искажённым мирам: Лия на Земле, где реальность сломана, Макс в прошлом, Вишуа в чуждой роли, Неро и Нира в заточении. Здесь нет сохранений, а ошибки оставляют след в душе. Опыт становится силой, а каждый шаг — борьбой за себя. Им предстоит пройти страх и боль, ведь победа — лишь начало нового уровня, где важно дойти до конца, не потеряв себя.

Содержание

Глава 1. Эхо привычного	5
Глава 2. «Без сигнала»	22
Глава 3.«Чужое утро»	41
Глава 4. Сломанные минуты	60
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Эхо на орбите

Екатерина Погорельская

© Екатерина Погорельская, 2026

ISBN 978-5-0069-9667-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Эхо привычного

Лия и Вишуа шли по широким коридорам колледжа, направляясь в столовую. Сегодня не было занятий — пустые аудитории и тихие холлы создавали странное ощущение свободы, почти нереальности. Лия расслабленно размахивала руками, ощущая лёгкий ветерок от кондиционеров, и думала о том, как редко у неё бывает день без расписания.

— Слышала, что на завтра нам обещают новую практику по гравитационной динамике, — заметила Лия, стараясь поддержать разговор.

Вишуа шла рядом, её массивная фигура словно создавала легкую тень, защищая Лию от света. Лавандовая кожа слегка изменила оттенок, едва заметно посветлев на щеках.

— Мне всё равно, — тихо ответила Вишуа, её голос был ровным и спокойным, словно вода в зеркальном озере. — Главное, чтобы оборудование работало.

Лия слегка улыбнулась, глядя на соседку: как же она отличается от всех остальных. Массивные конечности, мощные клыки, взгляд, одновременно спокойный и внимательный — и всё это в сочетании с почти гипнотической плавной походкой. Лия поймала себя на мысли, что хочет поговорить, но не знает, с чего начать.

— Знаешь, — Лия протянула, — иногда мне кажется, что ты... совсем как тень. Всегда рядом, но всегда отдельная. Я

не знаю, как тебя «прочитать».

Вишуа повернула голову, и её глаза, ярко-фиолетовые и глубокие, встретились с карими глазами Лии. Кожа на лбу едва-едва розовела, когда она чуть наклонила голову, словно прислушиваясь:

— Может, и не нужно. — Голос был мягким, но в нём ощущалась сила, как будто её слова были продуманы заранее. — Иногда тени говорят больше, чем свет.

Лия засмеялась, чуть покраснев от собственной неловкости. Её руки бессознательно сжались в кулаки, а потом ослабились. — Ну, если ты говоришь так, значит, так и есть. Но всё равно мне любопытно, что ты думаешь на самом деле.

Вишуа молчала, но медленно протянула руку, чтобы коснуться плеча Лии. Дотрагиваясь к её коже, Лия почувствовала лёгкую теплоту — почти как лёгкий солнечный луч. Это было заботливо, тихо, без слов, но говорило о многом.

— Иногда не хочется говорить, — сказала Вишуа наконец. — Но быть рядом — уже достаточно.

Лия улыбнулась снова, и сердце её чуть учащённо забилось. «Она действительно другая», — подумала она. «Но в этом есть что-то успокаивающее».

Когда они подошли к столовой, огромные окна пропускали мягкий свет планеты Миралис, окрашивая всё вокруг в оттенки сиреневого и персикового. Вишуа, не спеша, следила за Лией, словно заботясь о том, чтобы путь был безопасен. Лия шла рядом, ощущая, что даже в этой кажущейся безмя-

тежности рядом с инопланетной гронаркой есть что-то, что делает мир проще и теплее.

— Пойдём займём место у окна, — предложила Лия, открывая дверь. — Там свет так красиво падает...

— Хорошо, — кивнула Вишуа, и её кожа слегка посветлела от лёгкой улыбки, почти незаметной, но достаточно, чтобы Лия это заметила.

И они сели, две девушки с разных миров, на одной планете, в одной тишине, которая могла сказать больше, чем тысячи слов.

Подруги сидели за столом у окна, наслаждаясь моментом тихого утра. Солнечные лучи мягко отражались на лавандовой коже Вишуа, окрашивая её в нежные розовые оттенки, когда она слегка улыбалась. Лия наблюдала за ней и думала, как же удивительно спокойно стало всё вокруг.

С тех пор как ушла Гелия Фаур и на смену ей пришёл Дмитрий Алексеевич, атмосфера в колледже изменилась. Больше не было изнуряющих тренировок до потери сил, больше не было бесконечных собраний, где казалось, что время тянется медленнее, чем на любой другой планете.

— Знаешь, — сказала Лия, слегка вздохнув, — я думала, что привыкну к этому стрессу... но, честно, это — просто рай.

Вишуа молчала, но её глаза следили за Лией с тихой заботой. Её кожа слегка посветлела — оттенок спокойной сирени, почти невидимый, но Лия уловила это и улыбнулась.

— ИИ теперь работает исправно, — продолжала Лия, почти сама себе, — а форма... она снова как при Зигратаре Клометриусе. Не такая строгая и скучная, а удобная, аккуратная... Чувствуешь разницу?

Вишуа кивнула, не торопясь с ответом, словно каждое её движение было обдуманно:

— Отлично. Спокойствие помогает учиться... и жить.

Лия рассмеялась тихо:

— Ты говоришь, как старший преподаватель. Хотя... наверное, ты права.

Они посмотрели в окно на тихие улицы кампуса. Дети разных рас, студенты из разных миров, спокойно шли по аллеям, а свет мягко отражался от металлических поверхностей и сиреневых деревьев Миралиса. Всё казалось лёгким, ясным, почти волшебным. — Иногда мне кажется, — задумчиво проговорила Лия, — что мы просто не замечали, как сильно устали. А теперь... теперь каждый день — как свежий лист.

Вишуа слегка улыбнулась, показывая массивные, но удивительно аккуратные клыки, и лёгкий оттенок розового пробежал по её щекам. Это была маленькая эмоция, почти незаметная, но Лия поняла: подруга тоже счастлива.

— Главное — чтобы мы это ценили, — сказала Вишуа тихо. — Пока всё спокойно, нужно просто жить и... быть рядом.

Лия почувствовала тепло от этих слов. Спокойствие, ко-

торое пришло вместе с новым преподавателем, было не просто отсутствием хаоса. Оно было возможностью видеть, чувствовать, дышать... вместе. И пока свет падал на их стол, две девушки сидели, словно на мгновение остановив время, наслаждаясь настоящим — и новым, тихим счастьем.

Подруги завтракали неспешно, будто никуда не нужно было идти и само время решило сделать им поблажку. В столовой стоял мягкий утренний гул: приглушённые голоса, звяканье посуды, шорох шагов по гладкому полу. Сквозь панорамные окна Миралис заливал помещение тёплым светом — он ложился на столы, на форму студентов и на лавандовую кожу Вишуа, заставляя её переливаться спокойными, живыми оттенками.

Лия медленно помешивала напиток, вдыхая аромат свежего хлеба и сладких фруктов. Она ловила себя на том, что улыбается без причины. Раньше завтраки были быстрыми, почти механическими: схватить поднос, сесть, поесть — и бежать дальше, на очередное занятие или тренировку. Сейчас всё было иначе.

Вишуа сидела напротив, аккуратно держа в огромных пальцах приборы, которые казались слишком хрупкими для её массивных рук. Она ела неторопливо, внимательно, словно прислушиваясь не только к вкусу еды, но и к самому моменту. Иногда её кожа чуть теплела, уходя в мягкий розоватый оттенок — признак спокойствия и внутреннего удовольствия.

— Странно, — произнесла Лия вполголоса, не поднимая глаз от тарелки. — Я всё ещё жду, что нас внезапно вызовут. Или объявят срочное собрание.

Вишуа подняла взгляд. Её челюсти на мгновение замерли, затем она медленно покачала головой.

— Не вызовут, — сказала она уверенно. — Сейчас... тихо.

Это «тихо» прозвучало почти как благословение.

Лия улыбнулась и наконец посмотрела на подругу. Она вспомнила, какими напряжёнными они были ещё недавно: постоянная усталость, серые одинаковые формы, бесконечные требования и ощущение, будто за ними всё время наблюдают. Теперь же форма снова была прежней — удобной, живой, с цветами и знаками факультетов, как при Зигратаре Клометриусе. Лия поймала себя на том, что снова чувствует себя студенткой, а не частью безликой системы.

— Дмитрий Алексеевич всё-таки многое изменил, — сказала она. — Даже негромко. Просто... правильно.

Вишуа кивнула. Её кожа на скулах стала чуть светлее.

— Он не давит, — добавила она после паузы. — ИИ работает стабильно. Это важно.

Лия хмыкнула:

— Ты всегда смотришь в корень.

Вишуа не ответила, но протянула руку и тихо пододвинула Лии тарелку с тёплой выпечкой — так, словно это было само собой разумеющееся. Лия почувствовала, как внутри что-то

мягко сжалось от этой простой заботы.

Подруги продолжили завтракать молча. И в этом молчании не было неловкости — только ощущение безопасности и редкого покоя. Мир не требовал от них ничего прямо сейчас. И этого было достаточно.

К их столу уверенной, почти пружинистой походкой подошла Нира. Она двигалась так, словно вокруг не было ни одной лишней преграды — пространство само расступалось перед ней. Невысокая, с густой чёрной шевелюрой, собранной в слегка небрежный хвост, она сразу привлекала внимание выразительной мимикой и живыми, цепкими глазами.

Не задавая лишних вопросов, Нира поставила поднос на край стола и уселась рядом, откинувшись на спинку стула так, будто это место изначально принадлежало ей.

— Ну что, — выдохнула она, окинув подруг быстрым взглядом, — не видели моего братца?

В голосе звучала привычная смесь нетерпения и лёгкой насмешки. Лия подняла глаза и невольно улыбнулась: появление Ниры всегда словно приносило с собой движение и энергию, даже если до этого всё вокруг было тихо и спокойно.

— Кажется, он был с Максом, — ответила Лия, пожав плечами. — Я видела их у тренировочного сектора... или уже возле мастерских.

Нира фыркнула, закатывая глаза:

— Конечно. Макс. Значит, день пошел по знакомому сце-

нарию.

Она подперла подбородок ладонью, на секунду задумавшись, а затем резко выпрямилась. В её движениях чувствовалась внутренняя пружина — готовность в любой момент сорваться с места и действовать.

Вишуа молча наблюдала за ней. Лавандовая кожа гронарки чуть потемнела, принимая более насыщенный оттенок — признак настороженного интереса. Огромные пальцы медленно сомкнулись вокруг кружки, но взгляд оставался спокойным.

— Он в порядке, — произнесла Вишуа низким, уверенным голосом. — Если с Максом — значит, под присмотром.

Нира повернула к ней голову и на мгновение замерла оценивая. Потом уголки её губ дрогнули.

— Вот за это я тебя и люблю, — сказала она прямо. — Всегда знаешь, как сказать так, чтобы стало легче.

Лия тихо рассмеялась, ощущая, как привычная компания складывается в нечто цельное: её собственная осторожная наблюдательность, молчаливая надёжность Вишуа и взрывная, живая энергия Ниры. С такими подругами даже самые тревожные мысли отступали.

Нира взяла кусочек выпечки с тарелки Лии — без разрешения, но с таким естественным видом, что возражать было бы странно — и бодро добавила:

— Ладно, доем и пойду его искать. А вы... наслаждайтесь моментом, пока он не решил снова что-нибудь устроить.

Она подмигнула Лии, и стол вновь наполнился ощущением движения, жизни и той самой дружеской уверенности, которая держит крепче любых правил и расписаний.

Максим и Неро действительно не заставили себя долго ждать. Они появились почти одновременно, словно сговорившись, — остановились у столика с видом людей, которым не терпится поделиться тайной.

Макс первым наклонился вперёд, понизив голос, но так, чтобы в нём всё равно звенело предвкушение:

— Мы вам щас такое покажем... — он широко ухмыльнулся, — вы просто обомлеете.

Неро стоял рядом, скрестив руки на груди. В отличие от сестры Ниры, он выглядел спокойнее, но в глазах блеснул знакомый огонёк — тот самый, который означал: затея уже запущена, и пути назад нет.

— Серьёзно, — добавил он. — Пошлите с нами. Тут долго объяснять.

Нира мгновенно выпрямилась, будто только этого и ждала.

— Я так и знала, что вы что-нибудь выдумаете, — сказала она, но в голосе звучало скорее удовольствие, чем упрёк. — Ну? Чего стоим?

Лия переглянулась с Вишуа. В груди кольнуло любопытство, смешанное с лёгкой настороженностью.

«Спокойный день... конечно, он не мог длиться вечно», — подумала она, но уголки губ сами собой приподнялись.

Вишуа медленно поднялась со стула. Её массивная фигура двигалась плавно и уверенно, словно она заранее принимала любое развитие событий. Кожа на плечах приобрела более тёплый оттенок — не тревога, а готовность быть рядом.

— Если это опасно, — произнесла она спокойно, глядя на Максима, — предупреждай заранее.

Максим рассмеялся:

— Ну... опасно — это слишком громко сказано.

— Значит, опасно, — тут же парировала Нира и уже направилась к стойке с посудой.

Вся компания поднялась из-за столика. Они молча, почти слаженно убрали за собой грязную посуду — жест привычный, отработанный. В столовой на них почти не обращали внимания: ещё одна группа студентов, ещё один обычный день.

Когда двери столовой закрылись за их спинами, коридоры колледжа встретили их прохладным светом и тихим эхом шагов. Лия поймала себя на ощущении, что спокойствие не исчезло — оно просто сменило форму. Теперь это было спокойствие перед чем-то новым.

— Ну давайте, — сказала Нира, ускоряя шаг. — Ведите, изобретатели.

Макс и Неро переглянулись и синхронно улыбнулись. Что бы они ни задумали, ясно было одно: скучно точно не будет.

Друзья двинулись по коридору в сторону выхода. Про странство вокруг постепенно менялось: учебные сектора

оставались позади, шум столовой растворялся, уступая место ровному гулу вентиляции и далёкому эху шагов.

Максим шёл впереди, время от времени оглядываясь, будто проверял, идут ли все за ним. В каждом его движении чувствовалось нетерпение — плечи напряжены, шаг ускорен, руки то и дело сжимались в кулаки.

Неро держался рядом с ним, чуть сбоку. Он двигался спокойнее, но взгляд был сосредоточенным, собранным. Иногда он украдкой поглядывал на Ниру, словно заранее готовился к её вопросам или комментариям.

Нира шла позади них, не теряя бодрости.

— Только давайте сразу договоримся, — бросила она, скрестив руки на ходу, — если это опять «почти готово» или «ещё немного и заработает», я вас съем. Медленно.

— Ты просто не любишь сюрпризы, — усмехнулся Максим.

— Я люблю хорошие сюрпризы, — парировала она. — А плохие обычно имеют взрывной эффект.

Лия шла рядом с Вишуа. Её шаги были размеренными, но внутри росло лёгкое напряжение — знакомое чувство перед неизвестностью. Она оглядывалась по сторонам, замечая, как свет панелей отражается на сиреневой коже подруги.

Вишуа двигалась почти бесшумно, её массивные конечности ступали уверенно, не торопясь. Кожа на предплечьях стала чуть темнее — знак сосредоточенности. Она молчала, но её присутствие ощущалось особенно сильно, словно ря-

дом шёл надёжный щит.

Коридор постепенно сужался, потолки становились ниже, а освещение — холоднее. Впереди показались раздвижные двери выхода, за которыми мерцал дневной свет Миралиса.

Лия глубоко вдохнула.

— Надеюсь, вы понимаете, что интригуете сильнее, чем нужно.

Максим лишь усмехнулся, не оборачиваясь:

— Это только начало.

И с этими словами он ускорил шаг, увлекая всю компанию дальше — туда, где их уже ждало что-то новое.

Они вышли на улицу, и пространство будто сменило дыхание. Закрытые коридоры колледжа остались позади, уступив место открытому миру Миралиса — яркому, странному и каждый раз немного нереальному, словно созданному не до конца для человеческого восприятия.

Небо над ними переливалось мягкими оттенками фиолетового и розового, цвета медленно перетекали друг в друга, будто кто-то размыл границу между рассветом и днём. Свет был рассеянным, лишённым резких теней, и от этого казалось, что предметы слегка парят, не имея твёрдой опоры.

Лия невольно замедлила шаг и подняла голову. Каждый раз, выходя наружу, она ловила себя на одном и том же ощущении — будто попала в сон, который не хочет рассеиваться.

Красиво... и странно, — подумала она. Воздух здесь был густым, насыщенным, словно его можно было не только

вдохнуть, но и ощутить кожей. Он пах свежестью, минералами и чем-то едва уловимо сладким.

Вишуа остановилась на мгновение рядом с ней. Лавандовая кожа гронарки мягко откликнулась на свет, заиграв более глубокими оттенками. Для неё Миралис был не просто красивым — он был живым. Она медленно вдохнула, расправляя плечи, будто планета принимала её как свою.

— Здесь спокойно, — произнесла она тихо. — Планета не сопротивляется.

— Ты всегда говоришь так, будто слышишь её, — усмехнулась Нира, но в её голосе не было насмешки. Она прищурилась, оглядывая горизонт, где поднимались причудливые леса: высокие светящиеся растения тянулись вверх, их стволы мягко светились, а кроны переливались холодным и тёплым светом одновременно.

Максим нетерпеливо махнул рукой:

— Потом полюбуемся. Пошли, вам понравится, обещаю.

За аллеями колледжа виднелись кристаллические озёра. Их поверхность была гладкой, как стекло, и отражала небо так чётко, что казалось — шагни вперёд, и провалишься прямо в облака. Свет от воды дробился на тысячи бликов, оседая на траве и камнях.

Неро шёл чуть позади, внимательно наблюдая за дорогой.

— Не сбивайтесь, — бросил он. — Тут тропы иногда... меняются.

Лия вздрогнула и снова посмотрела вперёд. Миралис был

прекрасен, но в этой красоте чувствовалась тайна — не угрожающая, но требующая уважения. Она шагнула дальше, догоняя остальных, ощущая, как под ногами мягко пружинит поверхность планеты.

Вся компания двинулась вперёд, растворяясь в переливающемся свете Миралиса, где реальность казалась чуть тоньше, чем где бы то ни было ещё.

Они вошли на территорию учебного полигона, и воздух вокруг сразу изменился. Здесь он был суше, плотнее, словно сама планета настораживалась. Пространство открывалось широкими секторами, разделёнными силовыми линиями и тренировочными зонами. Модули полигона стояли полукольцом — массивные, угловатые конструкции из тёмного металла и кристаллических вставок, каждая со своей специализацией.

Максим уверенно повёл всех к одному из дальних модулей.

— Вот, — бросил он, замедляя шаг. — Этот.

Неро уже был у панели управления. Для него всё происходящее выглядело почти рутиной. Он присел, снял защитную крышку и быстро подключился к интерфейсу. Его пальцы двигались легко и точно, будто он не взламывал систему, а играл на хорошо знакомом инструменте.

Лия невольно затаила дыхание.

— Ты уверен, что ИИ не поднимет тревогу?

— Если поднимет — значит, я сегодня не в форме, —

спокойно ответил Неро, не отрывая взгляда от панели.

Мягкий импульс света пробежал по поверхности модуля. Защитные символы на мгновение вспыхнули и погасли.

— Всё, — сказал Неро. — ИИ отключён. Временно.

Вишуа шагнула ближе. Её кожа потемнела, принимая более насыщенный оттенок — сосредоточенность и готовность. Массивная ладонь легла на корпус модуля, словно она прислушивалась к его состоянию.

— Он пустой, — произнесла она. — Без наблюдения.

Максим усмехнулся:

— А я говорил.

С тихим, низким гулом замки разошлись, и створки модуля медленно открылись, выпуская наружу прохладный воздух и слабое свечение внутренних панелей. Внутри было темнее, чем снаружи, и от этого пространство казалось глубже, чем позволяло его внешнее устройство.

Нира сложила руки на груди и приподняла бровь:

— Надеюсь, вы понимаете, что если нас за этим поймают, я первая скажу, что это была не моя идея.

Лия сделала шаг вперёд, чувствуя, как любопытство пересиливает осторожность.

— Ну и... что вы там приготовили?

Максим и Неро переглянулись. В их взглядах мелькнуло одинаковое предвкушение.

— Сейчас увидите, — сказал Максим.

И они пригласили всех внутрь, туда, где учебный модуль

уже перестал быть просто частью полигона и готовился стать чем-то большим.

Внутри модуля их встретило пространство, до боли знакомое и потому сразу лишённое напряжения. Никакого чувства вторжения — наоборот, будто они просто вернулись в ещё одну аудиторию, только спрятанную от лишних глаз. Воздух был прохладным и сухим, пропитанным запахом металла, пластика и слабым озоном от недавно работавших систем.

Помещение было заставлено капсулами и тренировочными модулями разного размера. Они стояли рядами, плотно, но продуманно, оставляя проходы, по которым можно было двигаться, не задевая оборудование. У стен располагались кресла для вертикальной реальности — высокие, с фиксирующими опорами и гибкими креплениями, давно подогнанными под разные расы и типы тел. Некоторые из них носили следы частого использования: потёртые поручни, едва заметные царапины, приглушённый блеск от тысяч касаний.

На металлических полках аккуратно лежали шлемы, очки и перчатки для вертикальной реальности. Всё было разложено привычно, почти интуитивно — так, как бывает только в местах, где проводят много времени. Ничего не вызывало удивления или настороженности. Руки сами тянулись к знакомым формам, шаги ложились уверенно, без колебаний.

Движения ребят были спокойными и слаженными. Кто-то машинально обошёл капсулу с левой стороны, кто-то замед-

лил шаг возле привычного кресла, словно проверяя, на месте ли оно. Здесь не нужно было оглядываться по сторонам или прислушиваться — пространство принимало их без сопротивления, как давно ожидаемых гостей.

Свет внутри был мягким и равномерным, панели излучали приглушённое сияние, не режущее глаза. Тени лежали ровно, не тая в себе скрытых углов. Всё говорило о регулярности, о повторяющихся занятиях, о том, что это место давно стало частью их повседневности.

Здесь не было суеты или напряжения. Только уверенное ощущение привычного порядка, в котором каждая деталь находилась на своём месте, а сами они — там, где им давно было спокойно и знакомо.

Глава 2. «Без сигнала»

— Я совсем забыла, — вдруг сказала Нира, резко остановившись, словно мысль настигла её на полушаге.

Она с довольным выражением лица запустила руку в карман школьной формы и вытащила на ладонь пять кулонов.

Это были прозрачные кристаллы, чистые и гладкие, словно выточенные из застывшего света. Каждый из них переливался всеми цветами радуги: оттенки мягко сменяли друг друга, перетекая от холодного голубого к тёплому золотистому, от сиреневого к розовому. Внутри кристаллов будто жила собственная глубина — при малейшем движении свет ломался, создавая ощущение, что они дышат.

Каждый кулон висел на тонкой, но прочной цепочке.

— Я же сделала нам всем по купону, — продолжила Нира с таким видом, будто речь шла о чём-то совершенно обыденном.

Она по очереди раздала кристаллы друзьям. Движения были быстрыми, уверенными, без лишней торжественности — но в этом жесте чувствовалась забота, тщательно спрятанная за привычной прямолинейностью.

Лия осторожно взяла кулон в ладони. Он был прохладным, но тепло быстро разлилось по коже, словно кристалл откликался на прикосновение. Свет внутри мягко вспыхнул, отразившись в её карих глазах.

Вишуа с интересом рассматривала свой. Когда цепочка коснулась её лавандовой кожи, та на мгновение стала чуть светлее, почти розовой. Массивные пальцы гронарки двигались удивительно аккуратно, будто она держала не просто предмет, а нечто значимое.

Максим присвистнул, покрутив кристалл на свету, а Неро коротко кивнул, явно оценивая работу и материал.

Один за другим они надели кулоны на шеи. Цепочки легли на форму, а кристаллы заняли своё место — у каждого по-своему, но словно сразу став частью их.

На мгновение все замолчали. Не из неловкости — из ощущения, что произошло что-то важное, пусть и без громких слов. Кулоны тихо переливались, отражая свет панелей, связывая компанию не только общей затеей, но и чем-то более личным.

— Теперь точно команда, — с лёгкой ухмылкой добавила Нира, оглядывая всех сразу.

И в этом простом жесте — пяти одинаковых кристаллах на разных шеях — было больше единства, чем в любых официальных знаках или правилах колледжа.

Несколько секунд компания просто молчала, разглядывая кристаллы, будто привыкая к их присутствию. Свет от них мягко отражался на лицах, на стенах модуля, на металлических поверхностях, и всё пространство словно стало чуть теплее.

— Нира... — первой нарушила тишину Лия. Она косну-

лась кулона пальцами, словно проверяя, настоящий ли он.
— Это невероятно красиво. Спасибо тебе.

В её голосе было искреннее удивление и что-то ещё — тёплое, почти трогательное. Она всегда делает вид, что всё это между делом, подумала Лия, а на самом деле продумывает такие вещи заранее.

Нира пожалала плечами, но уголки губ дрогнули:

— Да ладно. Просто подумала, что так будет... правильно.

Максим покрутил кристалл, ловя радужные блики.

— «Правильно» — это когда я сейчас чувствую себя частью чего-то крутого, — усмехнулся он. — Серьёзно, спасибо. Такое не каждый день дарят.

— И материал хороший, — спокойно добавил Неро, внимательно осматривая огранку. — Ты постаралась.

Для Ниры это было почти высшей похвалой. Она отвела взгляд, будто внезапно заинтересовалась панелью на стене, но по её лицу было видно — слова попали точно в цель.

Вишуа подняла свою массивную ладонь к груди, накрыв кристалл. Лавандовая кожа под пальцами стала мягче, светлее.

— Это знак, — сказала она негромко. — Ты связала нас. Спасибо.

Эти слова прозвучали особенно весомо. Лия заметила, как Нира на мгновение замерла, а потом резко выдохнула:

— Эй, только без пафоса, ладно? — буркнула она, но улыбку уже было не скрыть.

Лия почувствовала, как внутри разливается спокойствие. Она посмотрела на друзей — таких разных, но сейчас удивительно цельных — и поймала себя на мысли, что именно в такие моменты понимаешь, ради чего всё это: учёба, риски, планы, сомнения.

— Правда, Нира, — сказала она мягко. — Спасибо. Это очень... по-нашему.

Нира наконец посмотрела на всех сразу.

— Ну вот и отлично, — сказала она уже привычным тоном. — Значит, не зря старалась.

Кристаллы тихо мерцали у них на шеях, словно подтверждая её слова. И пусть впереди было неизвестно что — в этот момент каждый из них знал: они не одни.

— Пошли посмотреть наше творение, — с нетерпением сказал Неро.

Он даже не стал дожидаться ответа. Сделав шаг вперёд, он потянул за собой друзей, будто боялся, что если задержаться хоть на секунду, момент рассыплется. В его движении чувствовалось редкое для него возбуждение — не резкое, но настойчивое, направленное вперёд.

Максим тут же подхватил этот импульс, ускоряя шаг и оглядываясь на остальных с широкой улыбкой. Нира фыркнула, но послушно двинулась следом, поправляя цепочку с кристаллом на шее. Лия позволила увлечь себя потоком движения, ощущая, как привычное спокойствие сменяется живым любопытством. Кулон у груди едва заметно колыхался

в такт шагам, ловя свет.

Вишуа замыкала группу. Её массивные шаги были тяжёлыми, но удивительно плавными, словно она заранее подстраивалась под темп остальных. Лавандовая кожа на плечах стала чуть насыщеннее — оттенок сосредоточенности и готовности. Она молча следила, чтобы никто не отставал, и держалась достаточно близко, чтобы в любой момент вмешаться.

Они углублялись в модуль, проходя между капсулами и креслами вертикальной реальности. Оборудование оставалось по обе стороны, знакомое и надёжное, словно молчаливый свидетель их прошлых занятий. Пространство впереди становилось темнее, свет концентрировался в одной точке — там, где и находилось то самое «творение».

Нетерпение Неро ощущалось почти физически. Он шёл быстро, уверенно, ведя всех туда, где их ждал результат долгих часов работы — и, возможно, начало чего-то гораздо большего.

Взору Лии, Ниры и Вишуа предстали пять объединённых капсул для симуляции. Они стояли полукругом, соединённые между собой светящимися энергетическими каналами, словно единый организм. По прозрачным стенкам пробежали мягкие импульсы света, перекликаясь между капсулами, будто система уже ждала своих пользователей.

Лия невольно остановилась. Сердце слегка ускорило ритм.

Пять... вместе?

Раньше каждая капсула была отдельным, замкнутым пространством — личным, почти интимным. А здесь границы будто стёрлись.

Неро шагнул вперёд, его голос звучал уверенно, с оттенком гордости:

— Раньше можно было входить в виртуал только по одному, — начал он, проводя рукой вдоль соединительных модулей. — Каждый в своей реальности, без прямого контакта.

Максим тут же подхватил:

— А теперь мы всё объединили. Переписали протоколы, синхронизировали каналы, запрограммировали общее ядро.

Неро кивнул:

— Теперь можно заходить всей компанией. В одно пространство. Без задержек и искажений.

Нира уже обошла капсулы кругом, внимательно осматривая соединения. В глазах горел азарт.

— Ну так чего мы ждём? — резко сказала она. — Погна-
ли.

Лия инстинктивно сжала пальцы на кристалле у груди. Он мягко отозвался теплом.

— Подожди... — она посмотрела на переплетённые линии энергии. — А это точно не опасно?

Вишуа стояла чуть поодаль, внимательно наблюдая. Её лавандовая кожа потемнела, принимая оттенок сосредоточенности. Массивная ладонь легла на поверхность одной из кап-

сул, словно она прислушивалась к её состоянию.

Система стабильна, — ощущала она, хотя слов не произносила.

Максим усмехнулся и поднял руки в примиряющем жесте:

— Не переживай. Мы всё проверили.

— И не один раз, — добавил Неро. — Мы уже входили в виртуал вместе. Синхронизация стабильная, отклонений нет.

Нира повернулась к Лии и приподняла бровь:

— Эй, если бы было страшно — я бы первая сказала «нет». А я, как видишь, уже мысленно там.

Лия выдохнула, чувствуя, как напряжение постепенно отступает. Она посмотрела на друзей — уверенных, собранных, живых. Они бы не тянули её в опасность, — подумала она.

— Ладно... — тихо сказала она и улыбнулась. — Я с вами.

Вишуа наконец отняла руку от капсулы и кивнула.

— Система готова, — произнесла она низким, спокойным голосом. — Мы можем входить.

Пять капсул мягко засветились ярче, словно откликнувшись на их решение. Свет переливался между ними, соединяя в одно целое — так же, как и самих ребят.

В этот момент стало ясно: это уже не просто тренировка и не обычная симуляция. Это было их общее пространство. Их эксперимент. Их шаг за грань привычного.

Неро подошёл к центральной панели и уверенно активировал систему. Его пальцы быстро скользнули по сенсорным полосам, вводя команды одну за другой. Машина отозвалась почти сразу: по корпусу капсул пробежал мягкий гул, низкий и ровный, словно глубокий вдох перед погружением.

Свет в модуле стал приглушённое. Соединительные каналы между капсулами вспыхнули ровным сиянием, выстраивая единый контур системы.

Один за другим ребята направились к своим капсулам. Движения были спокойными, привычными — без суеты, без колебаний. Они уже делали это раньше, и тела сами помнили порядок действий.

Лия вошла в капсулу и опустилась в кресло. Оно тут же подстроилось под её фигуру, мягко поддерживая спину и плечи. Материал слегка вибрировал, словно «узнавая» пользователя. Кулон на её груди холодно коснулся кожи, а затем согрелся, когда фиксаторы сомкнулись.

Нира устроилась в соседней капсуле с быстрым, уверенным движением. Она откинулась назад, проверяя крепления, и расслабленно положила руки на подлокотники — как человек, который знает, чего ожидать, и готов идти дальше.

Максим сел глубже, вытянув ноги, и удовлетворённо кивнул, когда система завершила настройку. Его кресло зафиксировалось, обнимая корпус, ограничивая лишние движения.

Неро занял своё место последним. Он ещё раз быстро про-

бежался взглядом по показателям, прежде чем закрыть капсулу, и только после этого позволил себе устроиться в кресле.

Вишуа входила в свою капсулу медленнее остальных. Пространство внутри расширилось, подстраиваясь под её массивное тело. Кресло трансформировалось, усиливая опоры и фиксацию, но делало это плавно, без резких звуков. Когда она села, поверхность под ней слегка прогнулась и стабилизировалась. Лавандовая кожа отразила мягкий свет интерфейса, а кулон на цепочке лёг тяжело и уверенно, словно якорь.

Крышки капсул начали медленно закрываться. Звуки внешнего мира приглушались, растворяясь в ровном гуле системы. Последним ощущением стало чувство лёгкого давления и тёплой стабилизации — сигнал того, что машина готова к запуску.

Внутри каждой капсулы воцарилось спокойствие. Всё было на своих местах. Они были готовы.

И тут раздался странный звук.

Не резкий — наоборот, глухой, неправильный, словно что-то внутри машины сбилось с ритма. Гул системы на мгновение исказился, превратился в протяжное, вибрирующее дрожание, от которого по коже пробежал холод.

В капсуле Лии свет моргнул.

Один раз.

Второй.

Кулон на её груди вспыхнул ярче обычного, цепочка натянулась, будто её потянули вниз. Лия успела лишь нахмуриться — в голове мелькнула короткая, тревожная мысль: «Что-то не так».

Следующий миг был слишком быстрым, чтобы осознать его полностью.

Взрыв.

Не оглушительный — скорее внутренний, словно удар прошёл сквозь саму капсулу. Пространство резко сжалось. Воздух исчез, свет разорвался на ослепительные всполохи. Кресло дёрнуло так, что тело на мгновение потеряло опору, а затем всё вокруг наполнилось хаотичным шумом и давлением.

Лия почувствовала, как мир уходит из-под ног.

Мысли рассыпались, не успев сложиться во что-то цельное. Последнее, что она уловила, — это резкий жар в груди, там, где находился кристалл, и ощущение падения, хотя тело оставалось неподвижным.

Затем свет погас.

Звуки оборвались.

И Лия потеряла сознание.

Лия очнулась резко, будто кто-то выдернул её из глубины. Грудь судорожно поднялась, пальцы вцепились в простыню. Несколько секунд она просто лежала, глядя в потолок и пытаясь понять, дышит ли вообще по-настоящему.

Тишина была... неправильной.

Нет ровного гула систем.

Нет вибрации капсулы.

Нет света панелей.

Вместо этого — утро.

Сквозь приоткрытое окно в комнату лился тёплый солнечный свет. Пахло свежим воздухом и чем-то знакомым до боли — пылью, деревом, домом. Где-то за окном пели птицы, громко, уверенно, как будто мир никогда и не знал других звуков.

Лия медленно приподнялась на локтях.

— Что?.. — вырвалось у неё хрипло.

Она сидела в своей кровати. В своей комнате. На стене — старые плакаты, которые она не видела уже... сколько? Годы? На столе — тетради, кружка с выцветшим рисунком, настольная лампа с треснувшим плафоном. Всё было до пугающего настоящим.

— Это... — она провела рукой по одеялу, по простыне, по своим коленям. — Это не может быть...

Сердце заколотилось быстрее.

«Я была на Миралисе. Мы вошли в капсулы. Был взрыв.»

Лия резко подняла руку к груди.

Кулона не было.

Холод прошёл по спине.

— Нет... нет-нет-нет, — она вскочила с кровати, едва не запутавшись в одеяле, и подбежала к зеркалу.

Отражение было её. Земной. Без следов интерфейсов, без

мягкого свечения кожи, без всего того, что сопровождало жизнь среди других миров. Каштановые волосы растрёпаны, глаза расширены, под ними — тени. Настоящие. Уставшие.

— Я... дома? — прошептала она и тут же мотнула головой. — Но это невозможно. Я не могла вернуться. Не так.

Она подошла к окну и распахнула его шире.

За окном был обычный двор. Деревья. Асфальт. Машины. Никаких светящихся лесов. Никаких кристаллических озёр. Земля — до последней детали.

Лия опёрлась ладонями о подоконник, чувствуя, как подгибаются колени.

— Это сон... — сказала она вслух, цепляясь за мысль. — Просто сон. Сейчас я проснусь. Сейчас...

Она зажмурилась, резко вдохнула, ущипнула себя за запястье.

Больно.

Слишком больно для сна.

— Тогда как?.. — голос дрогнул. — Как я здесь оказалась?

В голове вспыхивали обрывки: Нира с кристаллами, спокойный голос Вишуа, уверенность Неро, свет между капсулами... и взрыв. Чёрный провал.

— А остальные?.. — Лия резко обернулась, словно ожидала увидеть их за спиной. — Вишуа... Нира... Макс... Неро...

Тишина ответила ей.

И в этой тишине впервые появилась настоящая, липкая тревога.

Если она здесь — где тогда они?

Но что-то в этой комнате было странно.

Лия замерла посреди комнаты и медленно огляделась, словно видела её впервые — или, наоборот, слишком хорошо. Всё было как раньше. Та же мебель, стоящая на привычных местах. Те же стены с едва заметными трещинами у потолка. Те же шторы, чуть выцветшие от солнца. Те же плакаты на стенах — старые, знакомые, пережившие её отъезд и, казалось, ждавшие возвращения.

Комната была идеальной копией прошлого.

И именно это пугало.

Лия нахмурилась. Она прислушалась — не к звукам улицы, а к тишине внутри комнаты. Не было привычного мягкого фона. Ни едва уловимого вибрационного гула. Ни ответственного сигнала.

Она повернулась к прикроватной тумбе.

— ... Эй? Рэй? — произнесла она неуверенно.

Ничего.

Сердце неприятно сжалось.

Когда она жила здесь раньше, ИИ будил её каждое утро. Не резким сигналом, а тихо, почти заботливо: менял освещение, подбирал музыку, говорил время, напоминал о погоде и планах. Он всегда был. Даже когда она злилась на него, даже когда просила помолчать.

Сейчас — ничего.

Лия сделала шаг к стене, где раньше находилась проекци-

онная панель. Провела по ней пальцами. Поверхность была холодной, мёртвой.

— Где ты?.. — прошептала она, и от собственного голоса стало не по себе.

Она резко развернулась, оглядывая потолок, углы, пространство над дверью — туда, где обычно появлялся мягкий свет интерфейса.

Пусто.

Тишина была слишком настоящей. Земной. Неумной.

— Это же мой дом, — попыталась она убедить себя. — Моя комната. Моя планета.

Но если это так...

— Почему ты меня не разбудил? — голос дрогнул.

Лия почувствовала, как холод медленно поднимается от живота к груди. Если ИИ исчез — значит, что-то изменилось. Не сломалось, не выключилось случайно. Его не было.

Комната выглядела прежней, но лишилась важной части, как тело без дыхания. И теперь Лия ясно поняла: она не просто проснулась дома.

Она проснулась в мире, где чего-то не хватало.

И это было по-настоящему страшно.

— Рэй! — позвала она громче, чем собиралась.

Голос отразился от стен и тут же погас, не получив ответа. Лия замерла, прислушиваясь, словно ИИ мог ответить с запозданием, как иногда бывало раньше.

Тишина.

— Рэй! — повторила она, уже резче, с отчётливой ноткой паники.

Она сделала шаг вперёд, потом ещё один, будто могла приблизиться к источнику ответа. Сердце билось слишком быстро, дыхание сбивалось. Лия огляделась, снова и снова — потолок, стены, углы, пространство над дверью. Ничего. Ни света, ни голограммы, ни привычного мягкого присутствия.

— Ну, Рэй... — голос дрогнул, стал тише. — Где ты?..

Она обхватила себя руками, словно в комнате внезапно стало холодно.

— Мне страшно, — призналась она почти шёпотом, и от этих слов внутри что-то болезненно сжалось. — Я ничего не понимаю. Я... я проснулась здесь, и ты должен был быть со мной. Ты всегда был.

Она подошла к кровати и села на край, глядя в пол. Тень от её волос легла неровно, чуждо. Раньше Рэй уже отреагировал бы — изменил свет, заговорил, отвлёк, задал вопросы. Сейчас — только пение птиц за окном и далёкий шум улицы.

— Мне нужно с кем-то поговорить, — сказала Лия вслух, будто убеждая не комнату, а саму реальность. — Пожалуйста.

Ответа не последовало.

Лия сжала пальцы так сильно, что ногти впились в ладони. В груди поднялась волна — не истерики, нет, а глухой, тягучей тревоги. Такой, которая появляется, когда понимаешь: ты остался один в мире, который вдруг перестал быть

привычным.

— Ты бы не ушёл, — тихо сказала она, почти упрямо. — Ты не мог просто исчезнуть.

Она подняла голову, и в глазах блеснули слёзы — не от боли, а от неопределённости. От того, что исчезло нечто надёжное, постоянное, то, что всегда отвечало.

И в этот момент Лия поняла:

если Рэй не отвечает — значит, это утро не просто странное.

Это утро неправильное.

— Что ты кричишь? И что за... Рэй?

Лия вздрогнула так резко, будто её вырвали из сна. Дверь распахнулась без стука, и на пороге появилась мама — в домашнем халате, с собранными наспех волосами и тем самым выражением лица, которое Лия помнила слишком хорошо: смесь усталости и раздражённой деловитости.

— Давай вставай, — сказала она уже на ходу. — Мне нужна твоя помощь. И так долго спишь. Раньше надо вставать.

Даже не дожидаясь ответа, мама развернулась и вышла из комнаты. Шаги быстро растворились в коридоре, словно этот короткий разговор был чем-то совершенно обыденным и не заслуживающим продолжения.

Лия так и осталась стоять посреди комнаты.

Она смотрела матери вслед, не моргая, словно надеялась, что та сейчас вернётся, остановится, спросит, всё ли в порядке, заметит её состояние. Но дверь так и осталась приот-

крытой, а за ней — обычная утренняя жизнь.

Лия медленно перевела взгляд на часы над письменным столом.

6:30.

— Что?.. — вырвалось у неё едва слышно.

Шесть тридцать. В голове это не укладывалось. Она привыкла вставать гораздо раньше — но там, не здесь. Здесь, на Земле, это время всегда считалось почти ночью. Даже Рэй раньше мягко будил её ближе к семи, подстраиваясь под её режим.

Мысли путались.

«Это насколько же раньше? И почему мама говорит так, будто так было всегда?»

Лия почувствовала, как внутри поднимается странное ощущение — не страх, а что-то хуже. Несоответствие. Будто мир аккуратно, почти незаметно, сдвинулся на полшага в сторону, и теперь всё выглядело правильным... но ощущалось чужим.

Она снова бросила взгляд в то место, где обычно появлялась голограмма Рэя.

Пусто.

— Это не сон, — сказала она сама себе, медленно, стараясь удержаться за реальность. — Если бы это был сон, он бы уже ответил.

Лия сглотнула, глубоко вдохнула и выпрямилась. Что бы ни происходило, сейчас от неё ждали обычных действий:

встать, выйти из комнаты, помочь.

Она шагнула к двери, но на мгновение задержалась, оглядываясь назад — на плакаты, стол, кровать, часы.

Комната была прежней.

А вот утро — нет.

Лия медленно поднялась с кровати, словно проверяя, подчиняется ли ей собственное тело. Пол под ногами был холодным — знакомым, земным, слишком реальным, чтобы списать всё происходящее на остатки сна. Она накинула халат и вышла в коридор.

Дом встречал её привычными звуками: приглушённым гулом кухни, скрипом половиц, далёким звоном посуды. Всё было до боли знакомо — и от этого становилось только тревожнее. На Миралисе утро начиналось иначе, мягче, почти беззвучно. Здесь же каждый звук словно подчёркивал: ты дома.

В ванной Лия включила свет. Лампочка вспыхнула слишком резко, заставив её прищуриться. Она подошла к раковине и открыла кран. Вода зашумела, ударяясь о фарфор, и этот простой, обыденный звук почему-то отозвался в голове неприятным эхом.

Лия наклонилась и умылась холодной водой.

Капли стекали по лицу, по подбородку, падали в раковину. Она подняла голову и посмотрела на своё отражение. Та же самая девушка: каштановые волосы, слегка растрёпанные после сна, карие глаза с тенью недоумения и усталости.

Но взгляд был другим — слишком напряжённым, слишком взрослым для этого утра.

— Возьми себя в руки, — тихо сказала она отражению.

Она вытерла лицо полотенцем, задержалась на мгновение, крепко сжимая ткань в руках. Где-то глубоко внутри теплилась надежда, что сейчас всё прояснится: появится Рэй, раздастся знакомый сигнал, мир снова встанет на свои места.

Но в ванной было тихо.

Никаких голограмм.

Никаких подсказок.

Только она и её отражение.

Лия выключила воду, сделала глубокий вдох и вышла из ванной, чувствуя, как тревога медленно, но неумолимо расползается внутри.

Глава 3. «Чужое утро»

Лия вышла из ванной и направилась на кухню, всё ещё надеясь, что там её ждёт что-то объясняющее, что-то привычное и тёплое. Запах встретил её раньше, чем она успела переступить порог.

Блины.

Тёплый, сладковатый аромат растёкся по кухне, впитался в воздух, в стены, в воспоминания. На плите шипела сковорода, мама в домашней одежде и переднике ловко переворачивала очередной блин. Всё выглядело так... правильно. Слишком правильно. Как из старой жизни, которую Лия давно оставила позади.

Отец сидел в кресле у окна, закинув ногу на ногу, и читал газету. Бумага тихо шуршала, когда он перелистывал страницу. Он даже не смотрел на неё.

«О, блины», — радостно подумала Лия, и на мгновение внутри стало тепло. Простое, детское ощущение безопасности, почти забытое.

Она подошла к столу и села.

— И чего ты села? — резко раздался голос отца.

Лия вздрогнула.

— Завтракать, — ответила она неуверенно, всё ещё не понимая, что сделала не так.

Газета опустилась.

— Ты его проспала, — холодно сказал он. — Быстро помогать матери.

Лия перевела взгляд на маму. Та не обернулась. Не сказала ни слова. Только продолжала переворачивать блины, будто этот разговор её не касался.

— Я... — Лия растерянно посмотрела на обоих. — Я не знала, что...

— Мне ещё раз повторить? — голос отца стал тише, но от этого только опаснее.

Лия почувствовала, как внутри всё сжимается. Она поднялась было со стула, всё ещё надеясь, что это недоразумение, что сейчас кто-то остановит это, скажет: подожди, успокойся, она просто проснулась.

Она не успела.

Резкое движение.

Хлопок.

Удар пришёлся по щеке — неожиданно, больно, оглушающе. Мир на мгновение перекосялся. В ушах зазвенело, а глаза мгновенно наполнились слезами.

— Я... — выдохнула она, но голос сорвался.

Щёка горела, будто её обожгли. Слезы брызнули сами собой — не только от боли, а от шока, от несправедливости, от того, что она не узнавала этот дом и этих людей.

Не сказав больше ни слова, Лия развернулась и выбежала из кухни.

Она почти не видела дороги — только расплывчатые пят-

на стен и дверей. Вбежав в свою комнату, она захлопнула дверь и прижалась к ней спиной, сползая на пол.

Сердце колотилось так, будто пыталось вырваться из груди.

— Это не моя жизнь... — прошептала она сквозь слёзы.
— Это не должно быть так.

Но комната молчала.

И впервые за долгое время Лия почувствовала себя по-настоящему одинокой.

Лия вбежала в комнату и захлопнула за собой дверь так резко, что на стене дрогнул один из плакатов. Щёлкнул замок — слишком громко, слишком отчаянно. Она прижалась к двери спиной, словно та могла защитить её от всего остального мира.

Отец никогда себя так не вёл.

Эта мысль билась в голове, как застревшая птица. Никогда — ни резких окриков, ни поднятой руки. Он мог быть строгим, мог ворчать, мог устать и говорить сухо, но так... нет. Это было чуждо ему. Чуждо дому. Чуждо той жизни, которую Лия помнила.

Она медленно сползла по двери на пол, подтянула колени к груди. Щёка всё ещё горела, боль пульсировала, отдаваясь где-то за глазами. Лия провела пальцами по лицу — осторожно, словно боялась, что прикосновение разрушит остатки равновесия.

— Это не он... — прошептала она, почти беззвучно. — Это не может быть он.

Комната была прежней: те же стены, тот же стол, те же знакомые трещинки на потолке. Но теперь всё это казалось декорацией — аккуратно воссозданной копией, в которой что-то принципиально не сходилось. Как в симуляции с идеально выверенной графикой и фатальной ошибкой в логике поведения.

Лия подняла взгляд на место, где обычно появлялся Рэй. Пусто. Ни мягкого света, ни приветственного сигнала, ни спокойного голоса, который всегда знал, что сказать.

— Рэй... — снова вырвалось у неё, уже тише, почти с мольбой. — Пожалуйста.

Ответом была тишина.

Она сжала кулаки, чувствуя, как внутри поднимается не только страх, но и злость — холодная, ясная. Что-то пошло не так в тот момент, когда взорвалась машина. Слишком многое не сходилось: Земля, раннее утро, отсутствие ИИ... и этот отец, который смотрел на неё так, будто она была помехой.

— Если это реальность, — прошептала Лия, вытирая слёзы тыльной стороной ладони, — то она сломана.

Она поднялась с пола и подошла к зеркалу. Отражение смотрело на неё настороженно, взрослее, чем должно быть. Лия глубоко вдохнула, стараясь успокоить дрожь.

«Я разберусь, — пообещала она себе. — Что бы это ни

было. Сон, симуляция или чужая версия моей жизни.»

За дверью слышались шаги, но никто не постучал.

И это пугало сильнее всего.

Дверь в комнату тихо открылась.

Лия вздрогнула и резко обернулась. На пороге стояла мама. Руки у неё были перепачканы мукой, белые разводы тянулись по пальцам и ладоням. Она машинально тёрла их о фартук, который и без того был весь в тесте и засохших пятнах — бесполезно, нервно, будто не знала, куда деть лишние движения.

— Пошли, — сказала она коротко.

Лия смотрела на неё снизу вверх, всё ещё сидя на краю кровати. В груди что-то сжалось.

— После такого? — тихо, но твёрдо ответила она. — Нет.

Мама вздохнула. Не тяжело — скорее устало. Она шагнула в комнату и прикрыла дверь за собой, будто боялась, что кто-то услышит.

— Лия, пошли, — повторила она уже мягче. — Если отец разозлится, хуже будет. Ты не помнишь, что было в прошлый раз?

«В прошлый раз?»

Лия замерла. Она напряглась, пытаясь ухватиться за воспоминания, вытащить из памяти хоть что-то — крик, наказание, скандал. Но вместо этого всплывало совсем другое: отец, который поздно возвращается с работы; отец, уставший, молчаливый, но никогда — жестокий. Человек, для ко-

торого работа была всем, а дом — местом отдыха, а не власти.

— Я... — Лия запнулась. — Я не помню.

Мама посмотрела на неё внимательно, слишком внимательно. В её взгляде мелькнуло что-то настороженное.

— Скажи спасибо, что он не предъявил тебе за кулон...
— произнесла она, будто между прочим.

Лия резко подняла голову.

— Кулон?

— Да, — мама снова вытерла руки о фартук. — Тот, что был у тебя вчера. Когда мы нашли тебя на полу в спальне. Ты не просыпалась, пришлось перенести тебя на кровать.

Она нахмурилась.

— И вообще... откуда он у тебя?

Сердце Лии пропустило удар.

Значит, всё-таки кулон.

Не сон. Не выдумка. Не остаточное ощущение после взрыва.

Кристалл Ниры был здесь. В этом мире.

— Где он? — спросила Лия слишком быстро.

Мама отвела взгляд.

— Его забрал отец. Сказал, что тебе рано украшения носить. И ещё... — она понизила голос, — он сказал, что выяснит, не украла ли ты его. А если украла — будет хуже.

Эти слова повисли в воздухе, тяжёлые и липкие. Лия сжала пальцы так сильно, что ногти впились в ладони.

«Я должна найти кулон. Он — ключ. Если он здесь, значит и всё остальное не исчезло».

Она медленно выдохнула.

«Я должна быть пайнкой», — отчётливо подумала Лия, почти с холодной ясностью, удивляясь самой себе.

Она подняла взгляд на мать, натянула осторожную, послушную улыбку — ту самую, которая, как она вдруг поняла, здесь имела значение.

— Хорошо, — сказала она ровно. — Пошли на кухню.

Мама заметно расслабилась, кивнула и первой вышла из комнаты.

Лия задержалась на секунду, оглядела комнату, словно прощаясь с последним островком относительной безопасности.

«Найти кулон. И понять, что это за мир и как меня сюда забросило?»

Она вышла следом.

Лия пошла следом за матерью, стараясь держаться спокойно, ровно, как будто внутри у неё не бушевал ураган. Коридор показался ей непривычно узким, будто стены слегка сдвинулись, а воздух стал плотнее.

И едва она переступила порог кухни — она увидела его. Максима.

Он сидел за столом, развалившись на стуле, ссутулившись, и с аппетитом уплетал блины. Тарелка перед ним уже была почти пуста, рядом стояла кружка с чаем, а на подбо-

родке блестело пятнышко варенья. Он жевал шумно, уверенно, как человек, который здесь хозяин и которому всё позволено.

У Лии перехватило дыхание.

Первым порывом было — броситься к нему. Просто побежать, забыв обо всём: об утре, о пощёчине, о страхе. Обнять, уткнуться лицом в плечо, выдохнуть: ты здесь, ты живой. Сердце уже сделало шаг вперёд раньше тела.

Но она остановилась.

Что-то неуловимо резануло взгляд.

Этот Максим был... другим.

Не тем, кого она знала.

Её брат всегда был подтянутым, собранным, почти военным в своей привычке держать осанку. Даже когда расслаблялся — в нём чувствовалась сила, движение, готовность сорваться с места. А этот... этот сидел тяжело, расплывшись на стуле. Под домашней футболкой отчётливо выделялся живот, плечи были округлыми, движения — ленивыми. В нём не было той внутренней пружины, той энергии.

«Нет... Это не он.

Осознание пришло резко, почти болезненно. Лия почувствовала, как радость обрывается, словно её резко дёрнули назад за шиворот.

Она просто стояла и смотрела.

Максим заметил это не сразу. Потом поднял глаза, нахмурился, задержал на ней раздражённый взгляд.

— Что уставилась? — буркнул он, не скрывая недовольства. — Чего, первый раз меня видишь?

Его голос. Интонация. Ни капли тепла, ни тени привычной насмешки или заботы. Просто раздражение.

Лия вздрогнула, будто ей снова дали пощёчину — только уже изнутри.

— Нет... — вырвалось у неё слишком тихо.

Она тут же осеклась, прикусила язык, поняв, что сказала лишнее. Мама уже ставила на стол новую тарелку с блинами, будто ничего необычного не происходило. Обычное утро. Обычная семья.

Только для Лии это утро окончательно перестало быть спасением.

«Это не мой Макс, — подумала она, чувствуя, как внутри становится холодно. — Значит, я не просто вернулась домой. Я попала в чужую версию своей жизни.»

Она отвела взгляд, медленно села за стол, стараясь не смотреть на «брата» слишком долго.

Теперь сомнений не осталось.

Этот мир был не её.

— Лия, просыпаемся! — окликнула её мать, не оборачиваясь.

Голос выдернул Лию из мыслей резко, почти болезненно. Она моргнула, словно действительно только что проснулась, и снова увидела кухню такой, какая она была сейчас: тесной, шумной, чужой. Запах блинов уже не радовал — он давил,

лип к коже.

— Я готовлю, ты моешь посуду, — добавила мать привычным, не допускающим возражений тоном.

Лия кивнула. Медленно, автоматически. В этом доме кивали чаще, чем говорили.

Она подошла к раковине, включила воду. Струя ударила по дну, зашумела, заглушая остальной мир. Тарелки были тёплыми, скользкими от жира и теста. Лия взяла губку и начала мыть, размеренно, аккуратно, будто от этого зависело что-то важное.

На секунду она снова посмотрела на Максима.

Он уже тянулся за очередным блином, не замечая ни её взгляда, ни напряжения в воздухе. Ел жадно, бездумно, как человек, уверенный, что завтрак ему положен по умолчанию. Ни намёка на того Макса, которого она знала: быстрого, собранного, внимательного. Того, кто всегда первым вставал между ней и любой опасностью.

Лия тихо вздохнула и отвернулась к раковине.

«Ты не он, — без злости, почти спокойно подумала она. — И я не та, кем вы меня здесь считаете».

Вода текла, посуда становилась чистой, движения — всё более механическими. Снаружи Лия выглядела послушной и тихой. Внутри же она уже строила карту: что говорить, когда молчать, где искать кулон и как не выдать себя раньше времени.

«Потерпи, — сказала она себе. — Просто потерпи. Я вы-

берусь».

Отца в комнате не было.

Лия заметила это не сразу — слишком сильно её захватило другое. Образ «брата», сидящего за столом, не совпал с тем, кого она знала, и это несоответствие тянуло на себя всё внимание, словно заноза, которую невозможно игнорировать. Только когда она машинально оглянулась, ожидая уловить тяжёлый взгляд отца или услышать его шаги, Лия поняла: его здесь нет.

Это принесло странное облегчение.

Она продолжала мыть посуду, но мысли уже были далеко отсюда. Слишком далеко. Там, где не было этой кухни, этих холодных слов, этого чужого Максима.

«Как же я по ним скучаю...»

По своему Макс — настоящему, живому, сильному. По Неро с его вечной самоуверенностью и хитрой улыбкой. По Нире, которая всегда говорила прямо, иногда слишком резко, но именно этим и держала всех на плаву. По Вишуа... спокойной, массивной, молчаливой Вишуа, чьё присутствие само по себе было защитой.

Лия невольно усмехнулась сквозь грусть.

Она бы сейчас даже согласилась поменяться с Вишуа местами. Разрешить ей спать на верхней полке — даже несмотря на её вес, на массивное тело гронарки и на давний страх Лии, что полка однажды не выдержит и Вишуа рухнет вниз вместе с металлическим скрипом и глухим ударом.

Раньше одна только эта мысль вызывала у неё нервный смехок и протест.

А сейчас...

Сейчас она была готова и на это. На неудобства, на страхи, на тесноту, на всё что угодно — лишь бы снова услышать их голоса, почувствовать привычную суету общежития, увидеть фиолетовую кожу Вишуа, которая становилась розовой, когда та смеялась.

Лия опустила взгляд на пенящуюся воду.

«Я согласна на всё, — подумала она. — Только бы снова быть с ними. Только бы это всё оказалось не навсегда».

За окном пели птицы, кухня жила своей обычной жизнью, а Лия впервые по-настоящему поняла, как сильно может болеть тоска по дому, который находится не на Земле.

Максим резко отодвинул стул и встал из-за стола. Не оглянувшись, не сказав ни слова благодарности, он оставил за собой грязную тарелку, кружку, липкие от варенья следы на столе — и просто вышел из кухни, будто так и должно быть.

Лия проводила его взглядом.

В груди снова кольнуло — не болью даже, а тихим недоумением. Он бы никогда так не сделал, — автоматически подумала она о своём Максе. Тот всегда убирал за собой, иногда ворчал, иногда шутил, но никогда не считал это чем-то «чужим».

— Убери, — сказала мать, не поднимая глаз.

Лия медленно повернулась к ней.

— Что?.. — вырвалось у неё прежде, чем она успела сдержаться.

Мама наконец посмотрела на неё. Взгляд был жёсткий, нетерпеливый.

— Убери, — повторила она, уже громче, с нажимом, словно обращалась к глухой.

Лия замерла на секунду. В голове вспыхнула горячая, возмущённая мысль:

Неужели он не мог убрать сам?

Но вслух она ничего не сказала. Только сжала губы и молча потянулась к столу.

«Это что, мир, где женщины прислуживают мужчинам?» — подумала она с горькой иронией, собирая тарелки и ставя их в раковину. Фарфор негромко звякал, будто вторя её раздражению. Она взяла тряпку, вытерла стол — аккуратно, до последней крошки, до последнего липкого пятна, словно старалась стереть сам след его присутствия.

Потом снова вернулась к раковине.

Вода зашумела, закрывая собой кухонные звуки. Лия мыла посуду размеренно, почти механически. Снаружи — послушная дочь, делающая то, что велено. Внутри — злость, растущая холодно и ясно.

«Нет, — подумала она. — Это не мой дом. И не моя семья. И я не позволю этому миру решить, кем мне быть».

Она подняла глаза на своё отражение в тёмном стекле окна. Взгляд был уже другим — жёстче, собраннее.

Я найду кулон.

И я выберусь.

Лия домыла последнюю тарелку, стряхнула воду с рук и медленно повернулась к матери. В груди жило слабое, наивное ожидание — что теперь ей позволят просто сесть, перевести дыхание, почувствовать себя хоть немного обычной.

— Теперь можешь быстро поесть и дальше помогать мне по дому, — сказала мама тем же ровным тоном, каким говорят о списке дел.

Лия кивнула и шагнула к столу. Запах блинов всё ещё витал в воздухе, тёплый, домашний, почти издевательский. Рука сама потянулась к краю тарелки — к румяному блину, чуть поджаренному, с золотистой корочкой.

Она почти коснулась его.

Мать резко перехватила её за запястье. Небольно, но жёстко.

— Не это, — сказала она и кивком указала в сторону.

Лия опустила взгляд.

На отдельной тарелке стояла миска с овсянкой. Серой, густой, уже начинающей остывать. Ни масла, ни сахара — просто вязкая масса, в которой не было ничего утешительного.

— Девушка должна следить за фигурой, — продолжила мать, словно повторяя заученную истину. — Тебе нельзя жирное есть. Овсянка для тебя в самый раз.

Лия замерла.

Девушка должна...

Слова неприятно осели где-то внутри, будто чужеродный код. На Миралисе она ела вместе со всеми. Никто не делил еду на «можно» и «нельзя» по признаку пола. Вишуа могла съесть в три раза больше любого из них — и никто даже бровью не повёл бы. Нира вечно таскала сладости. Макс ел всё подряд. И это было... нормально.

Лия медленно убрала руку от блинов и взяла ложку. Овсянка была безвкусной, тёплой и тяжёлой. Она проглотила первую ложку, почти не чувствуя вкуса.

«Значит, вот какие здесь правила, — подумала она.

Тихо. Послушно. Удобно».

Она ела быстро, не поднимая глаз, считая ложки — не из-за голода, а чтобы не сорваться. Чтобы не сказать лишнего. Чтобы не выдать себя.

Внутри же росло другое чувство — ни страх, ни обида. Решимость.

«Потерпи, — повторила она себе. — Это временно. Я уже поняла, как устроен этот мир. Осталось понять, как из него выйти».

Она доела, поставила пустую миску на стол и поднялась.

Снаружи — покорность.

Внутри — план.

Лия молча доела овсянку, проглотив последние ложки почти не чувствуя вкуса. Она поднялась, снова подошла к раковине и вымыла миску, ложку, кружку — тщательно, до скрипа, словно старалась смыть не остатки еды, а само это утро.

Мать наблюдала за ней пару секунд, потом кивнула, будто убедившись, что всё сделано «как надо».

— Держи, — сказала она и сунула Лие в руки ведро. Следом — тряпку и бутылку со средством для мытья окон. — Пойдёшь окна мыть. Начни с зала.

Пластиковая ручка ведра неприятно врезалась в ладонь. Лия опустила взгляд на тряпку, на яркую этикетку средства, на капли воды, уже плещущиеся на дне.

— Сейчас? — тихо спросила она, скорее по инерции.

— А когда? — мать посмотрела на неё так, будто вопрос был глупым. — Дел полно. Давай, не тяни.

Лия снова кивнула.

Она взяла ведро, осторожно, чтобы не расплескать воду, и пошла в зал. Окна выходили на двор — обычный, земной, с серым асфальтом, припаркованными машинами и голыми ветками деревьев. Утро было солнечным, почти красивым, но это только усиливало ощущение неправильности.

Лия встала на табурет, распылила средство на стекло. Резкий запах ударил в нос. Она начала водить тряпкой — вверх, вниз, по кругу. Монотонно. Методично.

«Вот так, — подумала она. — Чтобы не думать».

Но мысли всё равно лезли. О Миралисе, где окна были из живого прозрачного кристалла и сами очищались от пыли. О Вишуа, которая однажды, неловко развернувшись, случайно выбила целую панель — и потом долго смущённо помогала чинить. О Нире, смеявшейся и говорившей, что «зато про-

ветрили». О Максе и Неро, спорящих, кто виноват.

Лия провела тряпкой сильнее, стирая очередной развод.

«Я не здесь, — упрямо сказала она себе. — Это временно. Я просто... переживаю».

Солнечный свет бил в глаза, отражаясь от стекла. В нём Лия на секунду увидела своё отражение — худое, напряжённое, слишком серьёзное для своего возраста.

Она вытерла окно насухо, слезла с табурета и взялась за следующее.

Ведро тихо плеснуло.

Работа продолжалась.

Максим проснулся от резкого, настойчивого звона будильника.

Звук будто бил прямо в голову. Он с трудом разлепил глаза и несколько секунд просто сидел, уставившись в пустоту. Мир вокруг не сразу сложился во что-то осмысленное. В висках гудело, тело казалось тяжёлым, словно он не спал, а провалился в глубокую, вязкую темноту.

— Что за... — пробормотал он и замолчал.

В памяти всплывали обрывки, не складывающиеся в цельную картину.

Полигон.

Лия — сосредоточенная, но взволнованная.

Вишуа — спокойная, массивная, стоящая чуть в стороне,

как всегда.

Неро и Нира — азартные, уверенные, довольные своим «творением».

Пять объединённых капсул вертикальной реальности.

Максим сжал пальцы, пытаясь удержать ускользающие детали.

Капсулы.

Запуск.

Всё проверено — он помнил это отчётливо. Они перепроверяли параметры раз за разом, гоняли систему на холостых режимах, входили вместе. Всё работало идеально. Без сбоев. Без отклонений.

И потом...

Взрыв.

Не образ — ощущение. Резкий, неправильный, словно сам мир дёрнули за край. Что-то пошло не так. Что-то нарушило контур, выбило систему из равновесия, вывело капсулы из строя.

«Но что? Как?»

Максим нахмурился. Сердце неприятно сжалось.

— Мы же всё проверили... — тихо сказал он в пустоту.

Он резко огляделся.

Белые панели стен. Мягкий приглушённый свет. Знакомая геометрия пространства. Спальная капсула мужского сектора колледжа. Его капсула.

Макс опустил взгляд на кровать.

Двухспальная. Его. Настоящая.

Всё было на своих местах: шкаф у стены, личный терминал, аккуратно сложенная форма на стуле. Слишком знакомо. Слишком правильно.

«Как я здесь оказался? Кто меня перенёс?»

Он не помнил возвращения. Не помнил медблок, эвакуацию, преподавателей, тревогу. Просто — провал. И вот он здесь, просыпается, как после обычной ночи.

Внизу негромко сопел сосед по капсуле, переворачиваясь во сне. Этот звук — приземлённый, реальный — почему-то окончательно убедил Максима, что он не в симуляции.

Макс провёл рукой по лицу, глубоко вдохнул.

Если он здесь...

Значит, и остальные тоже должны быть где-то рядом.

Мысль о Лии вспыхнула первой — острой тревогой. Он резко выпрямился, сел ровнее, уже не чувствуя сонливости. — Лия... — выдохнул он.

Что бы ни произошло в тех капсулах, это не было случайностью. И если он очнулся здесь, в колледже, значит, система решила, что всё «нормально».

Максим сжал кулаки.

«Нет, — подумал он. — Ничего не нормально. И я выясню, что именно сломалось».

Глава 4. Сломанные минуты

Максим осторожно спустился со второго яруса кровати, стараясь не разбудить соседа. Металлическая лестница была холодной под ладонями, знакомой до автоматизма — он мог бы пройти этот путь с закрытыми глазами. Пол мягко пружинил под ногами, принимая вес тела.

Он выпрямился, на секунду задержался, прислушиваясь к себе и к пространству вокруг. Ничего необычного: приглушённый гул системы жизнеобеспечения, ровное дыхание соседей за перегородками, слабый свет коридора, проникающий через щель в дверном проёме.

Слишком нормально.

Максим вышел из своего модуля в общий проход. Ряд одинаковых капсул тянулся вдоль стены, аккуратный, выверенный, как всегда. Здесь всё было на своих местах, будто взрыва и не существовало вовсе. Будто вчерашний день закончился обычным отбоем, а не сбоем, который должен был оставить след.

Он провёл рукой по затылку, ощущая лёгкую боль — напоминание о том, что память всё ещё не в порядке.

«Если я здесь... — подумал он, глядя вдоль коридора, — значит, и остальные где-то в системе.»

Максим медленно двинулся вперёд, уже зная: это утро не будет обычным, как бы старательно мир ни делал вид, что

всё в порядке.

Макс шёл по коридору, и шаги глухо отдавались от стен. Слишком гулко для жилого сектора в это время. Обычно здесь уже кто-то возился у терминалов, кто-то спорил, кто-то бежал, застёгивая форму на ходу. Сейчас же коридор был пуст.

Ни голосов.

Ни шагов.

Ни привычного утреннего хаоса.

Он замедлил ход, оглядываясь. Световые панели работали в стандартном режиме, двери модулей были закрыты, но ни одна не открывалась. Тишина казалась натянутой как плёнка.

«Неужели я раньше всех встал?» — мелькнула мысль.

Максим скептически хмыкнул про себя. Он никогда не был самым ранним — да и весь сектор сразу так спать не мог. Это не совпадало. Слишком уж правильно всё выглядело, слишком синхронно.

Он остановился, прислушался ещё раз, будто надеясь уловить хоть какой-то сбой — лишний шум, задержку в работе освещения, эхо шагов за спиной. Ничего.

«Либо мне повезло, — подумал он, — либо система снова что-то скрывает».

Максим продолжил идти, чувствуя, как тревога постепенно вытесняет остатки сна. Пустой коридор давил сильнее лю-

бого крика.

И ему совсем не нравилось это чувство.

И тут раздался звонок.

Резкий, пронзительный, слишком громкий для жилого сектора. Он буквально разрезал тишину коридора, ударил по ушам и отозвался неприятной вибрацией где-то в груди. Максим резко остановился, инстинктивно сжав плечи.

Этот звук он знал.

Так звонили раньше.

Так звонили при Гелии Фаррел — когда не было ни поблажек, ни предупреждений. Когда сигнал означал не «пора», а немедленно. Когда на раздумья не оставалось ни секунды.

Звонок тянулся дольше обычного, навязчиво, давя на нервы. Свет в коридоре чуть усилился, панели перешли в режим полной активности, будто колледж за одно мгновение проснулся весь целиком.

Максим медленно выдохнул.

— Только не это... — пробормотал он, даже не осознавая, что сказал это вслух.

Сердце билось быстрее. В голове снова вспыхнули обрывки воспоминаний: строевые проверки, изнуряющие тренировки, бесконечные сборы, где ошибка стоила слишком дорого. Всё то, что, как он был уверен, осталось в прошлом — вместе с уходом Фаррел и приходом Дмитрия Алексеевича.

«Почему этот сигнал вернулся? И почему именно сейчас?»

Звонок наконец оборвался, оставив после себя звенящую пустоту. Но тишина уже была другой — напряжённой, заряженной ожиданием.

Макс сжал кулаки и двинулся вперёд.

Если система решила вернуть старые правила, значит, что-то действительно пошло не так.

И тут он увидел учеников.

Они двигались по коридору медленной, почти одинаковой волной — в той самой тусклой, серой форме, которую ввела Фаррелл. Ткань была плотной, лишённой любого намёка на индивидуальность, словно намеренно поглощала цвет и свет. Ни нашивок, ни личных деталей — только одинаковые силуэты, одинаковые шаги, одинаково опущенные взгляды.

Он поймал себя на том, что сжимает пальцы в кулак.

«Так выглядят не дети, — мелькнуло в голове. — Так выглядят те, кого приучили не выделяться».

— Удобно, правда? — раздался рядом чей-то голос.

Он вздрогнул и обернулся.

— Что?

— Форма, — ученик пожал плечами. — Не надо думать, кем быть. Уже решили за нас.

Юноша ушёл, растворившись в сером потоке, а у него в груди осталось неприятное, тянущее чувство — будто он стал свидетелем чего-то неправильного, но пока не мог подобрать слов.

И именно в этот момент он увидел её.

По коридору шла Гелия Фаррелл.

Шум словно приглушился сам собой. Ученики инстинктивно расступались, кто-то выпрямлялся, кто-то поспешно отводил взгляд. Она двигалась спокойно, уверенно, будто коридор принадлежал ей — будто сама школа была продолжением её воли. Каблуки мерно отстукивали шаги, и каждый звук отдавался у него где-то под рёбрами.

«Вот она, — подумал он, — Человек, из-за которого всё это стало нормой».

Её взгляд скользнул по ученикам — быстрый, оценивающий, без тени сомнения. На мгновение показалось, что она смотрит прямо в души ученикам. Он не успел отвернуться.

Гелия остановилась.

— Вы, — произнесла она ровно, без повышения голоса, но так, что послушаться было невозможно. — Почему стоите?

— Я... — ученик запнулся, чувствуя, как внутри поднимается злость, перемешанная со страхом. — Я просто смотрел.

Она чуть прищурилась, словно разглядывала не его, а его мысли.

— Смотреть — не запрещено, — сказала она. — Но задерживаться — да. Здесь ценят дисциплину. Надеюсь, вы это усвоите.

Она прошла мимо, даже не обернувшись.

Он остался стоять, чувствуя, как по спине медленно ползёт холод.

«Она не просто руководит этим местом, — понял он. — Она в нём живёт. И делает так, чтобы все остальные жили по её правилам».

И почему-то именно это пугало сильнее всего.

Максим бросил быстрый взгляд на себя — обычная одежда, никакой формы.

Отлично. Просто отлично.

Если она увидит его в таком виде... Он даже мысленно не стал продолжать фразу. Круги вокруг колледжа бегать он не собирался — ни сегодня, ни когда-либо ещё. Фаррелл обожала показательные наказания, особенно те, что унижают не болью, а вниманием.

«Нет. Спасибо. С меня хватит».

Он резко развернулся, лавируя между учениками в сером, и ускорил шаг. Нужно было срочно найти Лию, Неро, Ниру и Вишуа. Не по отдельности — всех сразу. Значит, сначала комната. Там хотя бы можно перевести дыхание и подумать.

Макс почти бежал.

Коридоры тянулись бесконечно, шаги гулко отдавались в ушах, а за спиной всё время чудилось чужое присутствие — будто чей-то взгляд скользит между лопаток. Он пару раз обернулся, но видел лишь серые спины и опущенные головы.

«Поторопись. Пока она не решила пройтись ещё раз».

Дверь его комнаты показалась неожиданно быстро. Макс дёрнул ручку, юркнул внутрь и захлопнул дверь, прижавшись к ней спиной. Сердце колотилось так, словно он дей-

ствительно убегал — не от наказания, а от самой мысли о встрече.

— Так, — выдохнул он в пустоту. — Сначала форма. Потом остальные. И без паники.

Но паника уже была где-то рядом.

Макс без труда нашёл форму в шкафу.

Она висела аккуратно, как и всегда, — серая, унылая и безликая. Такая, в которой стирается всё: характер, настроение, даже само ощущение, что ты — человек, а не часть строя.

Он снял её с вешалки и на секунду задержал в руках. Ткань была холодной, неприятной на ощупь, словно изначально предназначенной не для тела, а для подчинения.

— Как саван, — пробормотал он себе под нос.

Никаких знаков отличия. Никаких цветов. Ничего лишнего — по версии Фаррелл. Все одинаковые, все правильные, все удобные.

Макс стиснул ткань пальцами, потом резко натянул форму на себя. Зеркало напротив равнодушно отразило нового его — серого, собранного, внешне послушного.

«Вот теперь можно выходить. Теперь я безопасен».

Мысль была горькой.

Он надел её.

Сначала штаны — тяжёлые, плотные, словно нарочно сковывающие движения. Потом куртку с высоким воротом, который неприятно упирался в шею. Форма села идеально, до

миллиметра — как всегда. В этом и была её главная мерзость: она не оставляла пространства для ошибки, свободы, даже для дыхания.

Макс застегнул молнию и замер.

Зеркало напротив показало чужого человека.

Серое отражение смотрело на него без эмоций — аккуратное, правильное, стерильное. Ни следа от того Макса, который ещё недавно смеялся вместе с Лией, спорил с Неро, ругался с Вишуа и подшучивал над Нирой. Ни следа от полигона, от капсул виртуальной реальности, от адреналина и свободы выбора.

— Отлично, — хмыкнул он вслух. — Теперь я такой, как надо.

Голос прозвучал глухо, будто форма приглушала не только тело, но и звук.

Он провёл ладонью по груди, по ровной ткани без шевронов и знаков.

Ты никто. Ты одинаковый. Ты не выделяешься.

Именно этого и добивалась Фаррелл.

Макс стиснул зубы.

— Потерпи, — сказал он себе тихо. — Это ненадолго. Я вас всех найду.

Он отвернулся от зеркала, будто боялся, что если посмотрит ещё раз, то окончательно поверит отражению. На секунду в груди кольнуло тревожное чувство — а что если Лия сейчас тоже... в форме? В этом мире. Под чужими правилами.

ми.

Мысль ударила сильнее любого приказа.

Максим резко выдохнул, расправил плечи и шагнул к выходу.

Если этот мир решил сделать из них тени — он ошибся.

Макс ещё помнил, кто он такой.

И снова вышел в коридор.

Дверь за спиной тихо щёлкнула, будто запечатывая за ним прежнюю версию себя. Коридор встретил его холодным светом потолочных ламп — ровным, без теней, без углов, где можно спрятаться. Серые стены, серый пол, серые двери модулей. Всё сливалось в одно бесконечное пространство, лишённое индивидуальности.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.